

18+

ЦЕХ №7

МОНТАЖ
РЫБНЫХ
СНАСТЕЙ

Артём Пальчиков

УБИЙСТВО В ЦЕХЕ

Артем Пальчиков

Убийство в цехе

«Издательские решения»

Пальчиков А. А.

Убийство в цехе / А. А. Пальчиков — «Издательские решения»,

На заводе по изготовлению рыболовных снастей происходит убийство нового сотрудника. За расследование берётся следователь Игорь Мельников. Позже к расследованию подключают Зайц Екатерину Николаевну — хитрую, смелую и необычайно проницательную женщину. Вместе им предстоит распутать клубок тайн, где за доброжелательными улыбками прячутся секреты, а самое очевидное алиби может оказаться самой изощрённой ложью...

© Пальчиков А. А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Шум, который держит город»	6
Глава 2. «Кофе и тихие признания»	12
Глава 3. «Там, где тебя ждут»	16
Глава 4. «Два дня на всё»	20
Глава 5. «Один день»	24
Глава 6. «Последний рубеж»	28
Глава 7. «Холодный воздух и тёплые мысли»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Убийство в цехе

Артем Александрович Пальчиков

© Артем Александрович Пальчиков, 2026

ISBN 978-5-0071-2871-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Артем Пальчиков

Убийство цехе

Аннотация:

Глава 1. «Шум, который держит город»

Завод стоял на окраине, будто специально отведённый подальше от тишины спальных кварталов — чтобы никому не мешал своим непрерывным, деловитым гулом. С утра до вечера он дышал: выдыхал пар из труб, втягивал грузовики с сырьём и снова выдыхал — уже готовыми заготовками для раколовок, сетными кольцами, стальными дугами. Для города это было не просто предприятие — это был ритм. Если завод замолкал хотя бы на день, казалось, что город сбивается с шага.

В технологическом бюро, отделённом от цеха стеклянной перегородкой, кипела своя, более тихая, но не менее напряжённая жизнь. За большим столом сидели три женщины — три звена одной цепи.

Старшая технолог, Елена Михайловна, была из тех, кто помнит завод ещё по старым чертежам. Ей было под шестьдесят, и в её взгляде читалась привычка всё держать под контролем. Она водила пальцем по распечатке, хмурилась, делала пометки красным карандашом — и ни одна цифра не проходила мимо неё без проверки.

— Здесь натяжение проволоки не сходится с расчётным, — говорила она спокойно, но так, что обе молодые тут же подтягивались.

Рядом с ней сидела Кира — та самая «фифа», как про себя называли её рабочие. Стильная, собранная, с идеально уложенными волосами, она умела говорить с начальством на одном языке, а с цехом — на другом. Она щёлкала мышкой, быстро перекидывала файлы, комментировала:

— Надо пересчитать партию под новый диаметр прутка. Иначе на сборке всё пойдёт в брак.

Третья, Настя, была её полной противоположностью: скромная, тихая, с чуть покрасневшими от напряжения глазами. Ещё совсем недавно она была жизнерадостной и весёлой: могла рассмешить всех в бюро какой-нибудь нелепой историей про кота, который пытался «помочь» ей с чертежами, или напевать бодрые песенки, пока сверяла таблицы. Но в какой-то момент она будто замкнулась, ушла в себя, как будто кто-то её сильно обидел или случилось что-то, о чём она не хотела никому рассказывать. Она ни с кем этим не делилась, только всё чаще опускала глаза, когда к ней обращались, и прятала руки в рукава кофты, будто пыталась стать незаметнее.

Сейчас она молча подкладывала нужные листы, сверяла таблицы и время от времени тихо уточняла:

— Елена Михайловна, а если мы сделаем допуск плюс-ноль-два, это не скажется на прочности при ударной нагрузке?

Елена Михайловна кивала:

— Вот это и есть работа. Не скорость, а точность.

Но когда Настя выходила из бюро, её взгляд невольно блуждал в сторону ударного участка. Там работал Борис.

А за стеклом, в самом цехе, всё было иначе. Здесь не было места полутонам: металл звенел, воздух пах горячим железом и машинным маслом, а ритм задавали удары. У ударного участка стояли пятеро рабочих — каждый со своей манерой, но все в едином движении.

Первый, Борис, — самый опытный. В прошлом профессиональный каменщик. Он работал с кувалдой так, будто чувствовал металл насквозь. Тяжёлый удар шёл не от плеча, а от всей спины, ровно и мощно. Он ставил заготовку на наковальню, прищуривался, примерялся и опускал кувалду — не со злостью, а с уверенностью. Металл поддавался, принимая нужную дугу.

Они с Настей часто встречались в курилке за цехом. Там, среди дыма и тишины, между ними наладилась особая связь. Настя, обычно молчаливая, там становилась разговорчивее, рассказывала о своих расчётах, о том, как ей нравится, что Борис не торопится. Борис слушал, кивал, иногда шутя говорил о том, что «металл не любит суеты». Но он не говорил о том, что чувствует к ней. Любит ли он её? Пока было неясно. Он был сдержан, как и положено мастеру своего дела. Но Настя знала: он её замечает. И этого ей было достаточно, чтобы каждый день приходить на завод с лёгким сердцем.

Второй, Павел, был быстрым, резким, с привычкой всё делать на счёт: раз — удар, два — проверка, три — поправка. Он ловко перекидывал заготовку, успевая и подстраховать Бориса, и самому нанести точный удар молотком по краю, чтобы снять лишнее напряжение в изгибе.

— Эй, Борис, смотри, тут кромка пошла волной, — выкрикнул Павел, проводя пальцем по краю заготовки. — надо чуть добить, а то на сборке сядет криво.

Борис кивнул, не отвлекаясь надолго:

— Давай я сверху пройдуся, ты держи шаблон.

Третий, Сергей, работал на доводке. У него был свой молоток — не тяжёлый, а удобный, с чуть скруглённым бойком. Он не гнул, а «лечил» металл: лёгкими, частыми ударами убирал мелкие перекосы, выравнивал плоскость, чтобы кольцо не вело при сборке. Его удары звучали как отдельная дробь в общем грохоте цеха.

Четвёртый, Виктор, отвечал за рубку и отрезку. У него была тяжёлая кувалда и зубило: он рубил прутки по мерке, и каждый его удар был как точка в предложении — жёсткая, окончательная. После него заготовки шли дальше, уже нужной длины, без заусенцев и кривизны.

Пятый, молодой Артём, пока был на подхвате. Он подносил заготовки, убирал окалину, помогал переворачивать тяжёлые детали. Но уже тянулся к работе: стоял рядом с Борисом, ловил момент, когда тот заносил кувалду, и старался запомнить, как меняется звук удара в зависимости от того, куда приходится сила.

— Не смотри на руку, — сказал ему однажды Борис, вытирая пот со лба. — Смотри на металл. Он сам подскажет, куда бить.

Артём кивал, не решаясь спросить ещё, но запоминал.

Недавно Артём только пришёл на завод, и в цехе устроили ему что-то вроде маленького приветствия: рабочие похлопали его по плечу, Борис протянул руку и сказал: «Главное — не торопись, тут спешка только мешает», Павел пошутил про то, что теперь у них есть «официально назначенный подносчик», а Сергей тихо добавил: «Если что, я покажу, где лежат хорошие молотки». Все улыбались, атмосфера была тёплой и по-своему семейной.

И только Настя, увидев это весёлое столпотворение, вдруг побледнела. На её глазах выступили слёзы, и она резко развернулась, почти выбежала из цеха, будто боялась, что кто-то заметит её состояние.

Кира, увидев это, нахмурилась, тут же отложила планшет и поспешила за ней. Она догнала Настю в коридоре, схватила за локоть, но тут же смягчила хватку, поняв, что напугала её.

— Настя, стой! Что случилось? Ты как будто привидение увидела.

Настя помотала головой, попыталась выдавить улыбку, но та получилась кривой и совсем не весёлой.

— Всё хорошо, правда... Просто голова закружилась.

— Ты не умеешь врать, — мягко сказала Кира, не отпуская её руку. — Ты же раньше первой смеялась над шутками Павла, а теперь даже смотреть на всех боишься. Расскажи. Может, станет легче.

Настя опустила глаза, сжала пальцы в кулаки так, что побелели костяшки. Её колени дрожали, и она старалась унять эту дрожь, прижимаясь плечом к холодной стене.

— Ничего. Просто... сейчас не хочу об этом. Ладно?

Кира вздохнула, но не стала давить. Вместо этого она просто встала рядом, плечом к плечу, и сказала:

— Ладно. Не сейчас. Но я тут. Если потом захочешь выговориться — я тут.

Настя кивнула, не поднимая глаз, и это «кивок» был не «всё хорошо», а скорее «спасибо, что не ушла».

Кира легонько сжала её плечо и тихо добавила:

— И не вздумай прятать это в себе, как старую деталь, которую стыдно показать. Поняла?

Настя слабо улыбнулась, на этот раз чуть искреннее:

— Поняла.

Чуть дальше, вдоль линии, стояли станки. Здесь работали трое слесарей.

Старший слесарь, Иван, ходил между ними, как капитан по палубе: прислушивался, заглядывал внутрь, делал пометки в блокноте.

— Этот редуктор скоро начнёт гудеть, — бросил он молодому помощнику. — Подготовь новый подшипник. Лучше предупредить, чем потом стоять в простое.

Молодой слесарь тут же метнулся к инструментальному шкафу, щёлкнул дверцей, начал перебирать коробки.

— Есть такой, вот, — протянул он деталь.

Иван покрутил подшипник в пальцах, проверил, как крутится обойма, удовлетворённо хмыкнул:

— Хороший. Ставь.

А вот третий, Михаил, работал медленнее. Он прихрамывал на левую ногу. Когда-то у него была серьёзная травма на производстве, он долго лежал на больничном, а теперь вернулся на завод на лёгкий труд. Он не поднимал тяжёлых деталей, но его знания были бесценны. Он мог по звуку двигателя сказать, что нужно подтянуть, и по запаху масла — что скоро потребуется замена.

— Нога ноет, — часто ворчал он, опираясь на перекладину. — Но руки-то помнят.

Иван кивал:

— Главное, чтобы руки не дрожали. А нога — дело поправимое.

Михаил хмыкнул, потёр колено, но ничего не ответил. Только наклонился, чтобы подтянуть гайку на соседнем узле, и сделал это так ловко, что даже без спешки управился быстрее, чем иной молодой.

В углу цеха, у стола с инвентарём, стоял сотрудник лет пятидесяти, Виктор Петрович. Он отвечал за инвентаризацию. Сейчас он был закодирован от пьянки, и это сильно изменило его характер. Он ходил по цеху с блокнотом, ворчал на каждом углу, проверяя, всё ли на месте, всё ли учтено.

— Где эта кувалда? — бормотал он, тыкая пальцем в угол. — Я её вчера видел! Кто её украл? Нет, не украл, а просто забыл вернуть на место.

Он не пил, но его ворчливость стала его новой нормой. Рабочие привыкли: если Виктор Петрович ворчит, значит, всё в порядке, он просто следит за порядком.

— Виктор Петрович, кувалда на месте, — спокойно говорил Борис, указывая на стойку.

— Ага, на месте, — бурчал тот, записывая что-то в блокнот. — Но чтобы в следующий раз не терялась. Я же не пью, я работаю!

— Да мы и не сомневались, — усмехнулся Павел, не отрываясь от работы.

Виктор Петрович зыркнул на него, но в глазах мелькнула едва заметная усмешка:

— Ещё пошутит тут. Я тебе сейчас инвентаризацию всей стойки поручу.

Павел тут же сделал серьёзное лицо:

— Молчу, молчу.

На линии сборки Марина собирала каркасы: брала заготовки, соединяла их, проверяла углы, укладывала в стопки. Её движения были быстрыми, но не суетливыми. Иногда она тихо напевала себе под нос, и эта тихая мелодия странным образом вписывалась в общий шум цеха — как будто была ещё одним необходимым звуком.

Сегодня она напевала что-то старое, дворовое, с лёгкой хрипотцой, и от этого в цехе становилось чуть теплее. Даже Виктор Петрович, проходя мимо, на секунду замер, будто вспомнил что-то своё, но тут же снова нахмурился и буркнул:

— Порядок на рабочем месте наведи, а не пой.

Марина не обиделась, только поправила пару деталей и спокойно ответила:

— Уже навела. Просто песня сама просится.

Виктор Петрович фыркнул, но больше ничего не сказал.

У конвейера, рядом с ящиками с крепёжом, стоял стажёр Саша. Он только два месяца как пришёл на завод после техникума и всё ещё чувствовал себя чужим среди этого металла, масла и уверенных движений опытных рабочих. Он пытался разобраться, как правильно фиксировать заготовку в тисках, чтобы она не гуляла при гибке.

— Не так держишь, — неожиданно раздался голос рядом. Это был Дмитрий, один из старших рабочих. Он взял заготовку, показал, как правильно её зажать, чтобы усилие шло строго по оси.

— Здесь важно не торопиться. Металл — он как характер: если давить не туда, он либо треснет, либо уйдёт в сторону.

Саша кивнул, стараясь запомнить каждое слово. Он ещё не знал, что именно такие моменты — короткие уроки между делом — станут для него самой настоящей школой.

К обеду шум в цехе немного стих: станки останавливались, рабочие расходились по столовой. Борис первым снял рукавицы, потянулся, посмотрел на своих ребят: на Павла, который всё ещё что-то подгонял, на Сергея, аккуратно раскладывавшего инструмент, на Виктора, вытиравшего зубило, на Артёма, который старательно прибирал обрезки.

— Хорошо сегодня поработали, — просто сказал он, и этого хватило, чтобы все почувствовали: день прошёл не зря.

Елена Михайловна в бюро наконец-то смогла выдохнуть и налить себе кружку чая. Она смотрела сквозь стекло на цех, на людей, на коробки с готовой продукцией, и думала о том, что все эти каркасы, кольца, дуги отправятся в разные уголки страны — к рекам, озёрам, морям. И где-то там, на берегу, незнакомый рыбак будет ставить раколовку или забрасывать сеть, не зная, сколько рук и часов труда вложено в эту простую, на первый взгляд, вещь.

А завод снова набирал обороты: молоты стучали, станки гудели, слесари проверяли узлы, а три женщины в бюро уже склонились над новыми расчётами — потому что следующая партия должна быть ещё лучше.

Глава 2. «Кофе и тихие признания»

После смены Кира и Настя не пошли к проходной вместе со всеми. Вместо этого свернули в маленькое кафе на соседней улице — уютное, с тёплым светом и запахом свежего кофе, где в этот час почти не было людей. Здесь можно было выдохнуть после гула цеха, стряхнуть с плеч тяжесть дня и просто побыть собой.

Кафе называлось «У тёти Зины» — вывеска была старой, с облупившейся краской, буквы местами потемнели от дождей и ветра, но само название всё ещё читалось, будто цеплялось за привычное. Над дверью тихонько позвякивал колокольчик, и каждый раз, когда кто-то входил, этот звук был как маленький сигнал: «ты зашёл туда, где тебя ждут».

Внутри пахло не просто кофе — а целой историей: горячим хлебом, ванилью, чуть-чуть корицей, старым деревом и даже чем-то едва уловимым, похожим на запах шерстяного пледа. Стены были увешаны фотографиями города в разные годы: вот площадь с троллейбусом, вот тот же перекрёсток, но уже без троллейбуса, вот старый рынок, которого теперь и вовсе нет. На полках стояли баночки с вареньем, старые жестяные коробки из-под чая, глиняные кружки с шерстинками — всё это выглядело не как декор, а как настоящая жизнь, которую просто не стали прятать.

Они сели у окна, откуда сквозь стекло всё ещё виднелся краешек заводской трубы — будто даже здесь завод не хотел их отпускать. Окно было чуть запотевшим от вечерней сырости, и на стекле Настя провела пальцем тонкую линию, как будто рисовала себе путь от цеха к этому тихому месту.

Официантка, молодая девушка с короткой стрижкой и серьгой-кольцом в ухе, тут же подошла, будто знала, что эти двое всегда заходят именно сюда.

— Опять к нам? Рада видеть. Вам как обычно?

Кира кивнула:

— Мне американо, покрепче. И пирожок с капустой, если остался.

— А мне латте с корицей, пожалуйста, — тихо сказала Настя, будто боялась нарушить эту уютную тишину.

Когда девушка ушла, Кира первым делом стянула с волос заколку, распустила пряди и с облегчением потянулась, так что хрустнули плечи.

— Наконец-то тишина. В цехе сегодня так грохотало, что у меня в голове до сих пор будто эхо гуляет. Как будто кто-то стучит прямо по вискам.

Настя улыбнулась, но улыбка вышла усталой. Она помешивала ложечкой корицу, смотрела, как та растворяется в молочной пене, и будто собирала мысли по крупинкам.

— Зато Павел сегодня ни разу не перепутал шаблоны. Для него это уже почти подвиг.

Кира хмыкнула, отпила кофе и хитро прищурилась:

— А я не про Павла. Я про мужчин вообще. Ну, про наших. Давай, признавайся: кто из них, по-твоему, самый перспективный?

Настя чуть приподняла брови:

— Перспективный? Это как? Чтобы зарплату хорошую приносил? Или чтобы не забывал выносить мусор?

Кира рассмеялась, махнув рукой:

— Ну, ты как всегда. Я не про быт. Я про... потенциал. Про то, что из человека может вырасти. Вот, скажем, Иван, старший слесарь. Спокойный, надёжный, всё держит под контролем. Из таких получаются отличные начальники. Или Виктор Петрович... ну, если бы он перестал ворчать каждые пять минут.

Настя тихо хихикнула, и в этом смехе впервые за день прозвучало что-то настоящее, не натянутое.

— Виктор Петрович? Да он и так себя считает начальником. Просто без кабинета.

— Вот и я о том! — Кира наклонилась чуть вперёд, понизив голос, будто делилась секретом. — А теперь скажи честно: а что ты думаешь про Бориса?

У Насти дрогнула рука, ложка звякнула о край чашки. Она тут же опустила глаза, делая вид, что поправляет салфетку.

— Что про него думать... Он хороший мастер. Опытный. Учит всех, даже если не говорит много.

Кира смотрела на неё внимательно, чуть склонив голову набок.

— Хороший мастер — это понятно. А как человек? Тебе он... нравится?

Настя замерла, потом медленно подняла глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на испуг — будто её поймали за чем-то очень личным.

— Кира... не надо, ладно?

— Ладно, ладно, — быстро сказала Кира, поднимая руки в примирительном жесте. — Прости. Просто ты на него смотришь... по-особенному. И я подумала, вдруг ты хочешь про это поговорить.

Настя покачала головой, но уже мягче:

— Не сейчас. Просто... он для меня как пример. Знаешь, когда человек делает своё дело и не кричит об этом на каждом углу. Это редкость.

Кира кивнула, не настаивая. Но любопытство в её глазах не угасло.

— Тогда давай про кого-нибудь попроще. Про новенького. Про Артёма. Он симпатичный, молодой, глаза горят. Как он тебе?

И тут Настя резко сменила тему, будто кто-то дёрнул рычаг.

— Слушай, а помнишь, как в прошлом месяце мы с тобой задержались допоздна из-за той партии с кольцами? И Виктор Петрович тогда принёс нам по бутерброду, хотя сам был злой, как чёрт? Вот это было по-человечески.

Кира на секунду растерялась, но тут же подхватила:

— Помню. Он тогда бурчал, что «если эти технологи не уйдут, я сам их выпровожу», а сам притащил. Станный он. Но свой.

Настя кивнула, будто рада, что удалось уйти от разговора про Артёма:

— Свой. И знаешь, мне кажется, он сейчас старается. После кодировки. Старается быть лучше. Просто не умеет это показывать.

Кира задумчиво постучала ногтем по чашке.

— Да... Мы все не очень умеем показывать, что стараемся. Кто-то ворчит, кто-то молчит, кто-то вообще убегает, когда его пытаются поздравить с чем-то.

Она посмотрела на Настю прямо, но без нажима:

— Если когда-нибудь захочешь про Бориса... или про что угодно... я тут. Не чтобы советы давать, а просто чтобы послушать.

Настя слабо улыбнулась:

— Спасибо. Мне этого достаточно.

Они посидели ещё немного, уже не обсуждая мужчин, а вспоминая смешные мелочи дня: как Сергей уронил молоток и тот прокатился по всему цеху, как Павел пытался объяснить стажёру Саше, что «тише едешь — дальше будешь», а Саша всё равно торопился и чуть не прищемил палец. Смех звучал тихо, но искренне, и с каждым словом из Насти будто уходило немного той тяжести, что тянула её вниз.

Вдруг дверь кафе скрипнула, и внутрь зашёл Михаил, тот самый слесарь, который прихрамывал на левую ногу. Он огляделся, заметил девушек, слегка улыбнулся и направился к их столику.

— О, наши технологи! — сказал он, опускаясь на свободный стул без приглашения, но так по-свойски, что возражать никому и в голову не пришло. — А я думаю, куда это Кира с Настей пропали. Думал, может, сбежали от нас, от этого грохота.

Кира усмехнулась:

— Сбежать-то хочется, да некуда. Завод — он как магнит: тянет обратно.

Михаил кивнул, потёр колено, поморщился чуть-чуть:

— Знаю. Сам каждый раз думаю: вот сегодня точно не вернусь. А утром опять ноги сами несут.

Тётя Зина выглянула из-за стойки: она стояла там, уполняя стопку тарелок, и смотрела на зал так, будто держала в голове всё сразу — кто что заказал, кому уже пора нести счёт, а кому лучше просто дать посидеть.

— Михаил, тебе как обычно? Чай с лимоном и бутерброд с сыром?

— Ага, Зинаида Петровна, спасибо, — кивнул он, снова поворачиваясь к девушкам. — А вы тут о чём шепчетесь? О работе или о чём-то получше?

Кира хитро прищурилась:

— О мужчинах, конечно. Оцениваем перспективы.

Михаил закатил глаза и фыркнул:

— Ох, не надо. У нас на заводе одни перспективы — чтобы станок не встал и чтобы начальник не пришёл с проверкой.

Настя впервые за вечер рассмеялась по-настоящему, звонко и легко, и этот смех будто стёр с её лица ту тень, что держалась весь день.

— Ты прав. Но иногда хочется верить, что есть что-то ещё.

Михаил посмотрел на неё внимательно, чуть прищурившись:

— Есть. Просто оно не на виду. Вот ты, Настя, думаешь, что никто не замечает, как ты каждый раз перед тем, как уйти, проверяешь, все ли чертежи убраны, все ли расчёты закрыты. А Борис замечает. Он вообще многое замечает, только не говорит.

Настя резко замолчала, лицо её снова стало серьёзным, будто она пыталась прочитать в словах Михаила что-то большее.

Кира тут же перевела тему, чтобы дать Насте передышку:

— А ты, Михаил, что думаешь про новенького? Про Артёма? Парень старательный, но пока как слепой котёнок.

Михаил почесал подбородок:

— Старательный — это главное. Остальное придёт. Я вот в его годы тоже всё ронял и путал. Главное, чтобы не боялся спрашивать. А то есть такие, стесняются, а потом делают наперекосяк.

— Это точно, — кивнула Кира. — Лучше десять раз спросить, чем один раз испортить заготовку.

Подошла официантка, принесла Михаилу чай и бутерброд, а заодно ещё одну чашку кофе для Киры — «от тёти Зины, на дорожку». На блюде лежал маленький кусочек яблочного пирога — тётя Зина всегда клала кому-нибудь что-то «сверху», будто хотела, чтобы у всех на душе становилось чуть теплее.

— Передайте спасибо, — улыбнулась Кира.

Михаил откусил бутерброд, прожевал и вдруг сказал:

— Знаете, что самое важное на заводе? Не станки, не чертежи и даже не заготовки. А чтобы рядом был кто-то, кто не даст тебе упасть, если нога вдруг подведёт. Или если просто тяжело станет. У нас это есть. И это дорогого стоит.

Настя посмотрела на него, потом на Киру, и впервые за долгое время почувствовала, что не одна. Что эта маленькая компания — её опора, даже если она не всегда готова это признать.

За окном окончательно стемнело, и свет из кафе лёг на мокрый асфальт, как мягкое одеяло. Где-то вдалеке проехала машина, мигнули фары, и снова стало тихо — так тихо, что можно было услышать, как звенит ложечка о чашку и как тихонько вздыхает Михаил, потирая колено.

Тётя Зина вышла из-за стойки и подошла к их столу, не спеша, тяжело ступая, но уверенно.

— Девчонки, вам ещё чего-нибудь? Или уже по домам?

Кира покачала головой:

— Нет, Зинаида Петровна, мы уже собираемся. Спасибо вам за тепло. Тут как будто весь заводской шум остаётся снаружи.

Тётя Зина кивнула, поправила полотенце на плече и сказала просто:

— Так и надо. Пусть хоть где-то будет тихо. А то весь день металл стучит, сердце устаёт.

Настя вдруг поднялась, подошла и неожиданно для самой себя обняла тётю Зину — крепко, но быстро, как будто боялась, что та подумает, будто ей что-то нужно.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Тётя Зина только хмыкнула, но в глазах у неё блеснуло что-то тёплое, и она легонько похлопала Настю по спине:

— Иди, отдыхай. Завтра опять будет шумно.

Когда они вышли из кафе, город уже накрыли сумерки. Заводские огни горели жёлтыми точками, и где-то там, за этими окнами, ещё догорал рабочий день.

Кира накинула куртку и, перед тем как разойтись, легонько толкнула Настю плечом:

— Завтра опять будет шумно. Но мы справимся.

Настя кивнула:

— Справимся.

Глава 3. «Там, где тебя ждут»

Настя открыла дверь своей квартиры, и в ту же секунду на неё обрушился тёплый, живой вихрь. Хаски по кличке Снежка — белая с серыми подпалинами, с глазами разного цвета: один янтарный, другой ледяной голубой — прыгнула, едва не сбив Настю с ног, и тут же принялась тыкаться мокрым носом ей в ладони, в локти, в подбородок, будто проверяла: «Ты здесь? Ты правда вернулась?»

— Тише, тише, моя хорошая, — тихо сказала Настя, присаживаясь на корточки прямо в прихожей, не снимая ботинок, не вешая куртку на крючок. Она обхватила Снежку обеими руками, зарылась лицом в густую шерсть на её загривке, и только тогда плечи её дрогнули.

В прихожей пахло домом — не каким-то особенным парфюмом, а смесью запахов, которые складывались в её личную, узнаваемую атмосферу: чуть терпким ароматом сухих трав, которые Настя когда-то купила на рынке и так и не выбросила, когда они выцвели; лёгким запахом собачьей шерсти, который она давно перестала замечать; каплей духов, которые брызнула ещё утром и которые к вечеру стали почти незаметны. Даже запах старого дерева от вешалки, слегка рассохшегося от времени, был ей дорог — он напоминал о даче, где она бывала в детстве.

Квартира у Насти была небольшая, но уютная, будто собранная из кусочков её характера: светлая, немного захламлённая мелочами, которые не хотелось выбрасывать, потому что с каждой была связана какая-то история. В прихожей на вешалке висели три шарфа, один из которых она связала ещё в школе на уроках труда — неровный, с торчащими нитками, но до сих пор любимый. На полке стояли ботинки, которые давно пора было выкинуть, но в них было удобно, а на маленьком столике у зеркала лежала стопка писем, которые Настя всё собиралась разобрать, да не хватало сил. Среди них белел конверт с маминым почерком — она не открывала его уже неделю: боялась, что, если начнёт читать, не сможет остановиться и проплачет до утра. Рядом с конвертом стояла маленькая керамическая фигурка совы — подарок от Киры на прошлый Новый год: «Чтобы ты не сидела допоздна одна и помнила, что кто-то о тебе думает».

Из прихожей можно было сразу попасть в кухню-гостиную — комнату, где Настя проводила почти всё свободное время. Там стоял старый диван с пледом, который вечно сползал на пол, книжный шкаф, набитый до отказа, причём книги лежали не только на полках, но и стопками на полу: потрёпанные учебники по сопромату соседствовали с томиком Ахматовой, потрёпанным путеводителем по Крыму и сборником сказок, который ей читала мама, когда Настя была маленькой. На маленьком круглом столике у окна стоял остывший термос — она брала его с собой, но так и не выпила ни глотка: в цехе было слишком шумно, чтобы остановиться и просто попить.

На подоконнике теснились горшки с растениями: некоторые были ухоженными, с сочными зелёными листьями, другие — забытые, с сухими веточками, но Настя всё равно их не выбрасывала, будто надеялась, что однажды у неё дойдут руки их спасти. В одном из горшков робко пробился новый росток — тонкий, почти прозрачный, он тянулся к свету, и Настя каждый раз, замечая его, чувствовала, как внутри что-то тихо вздыхает и шепчет: «Ещё не всё потеряно». На самом краю подоконника, прижавшись к стеклу, стоял крошечный кактус в расписной чашке — он цвёл раз в три года, и каждый раз это было для Насти маленьким чудом.

На стене висела фотография, где Настя была ещё совсем юной, рядом с ней стояла мама — они обе смеялись, и в этом смехе было столько света, что даже сейчас, проходя мимо, Настя невольно замедляла шаг. Рядом с фотографией висела маленькая деревянная табличка с выжженной надписью: «Дом — это там, где тебя ждут». И каждый раз, когда на душе становилось тяжело, Настя смотрела на эти слова и думала: «Меня тут ждут. Хоть кто-то».

Снежка, почувствовав, что объятия Насти стали крепче, а дыхание — неровным, перестала суетиться. Она села рядом, прижалась боком, положила голову Насти на колено и замерла, будто говорила всем своим видом: «Я тут. Я держу». Шерсть у Снежки была густая, плотная, с мягким подшёрстком, и когда Настя зарывалась в неё пальцами, казалось, что весь остальной мир становится тише. У Снежки были длинные, чуткие уши, которые то поднимались, то опускались в зависимости от настроения, а хвост, пушистый, закрученный кольцом, сейчас лежал спокойно — собака чувствовала, что сейчас не время для радости, а время быть рядом.

И тогда Настя заплакала — не громко, без надрыва, а тихо, так, что слёзы просто катились по щекам и падали на серую шерсть Снежки. Она не пыталась их вытирать, не прятала лицо, потому что перед Снежкой не нужно было притворяться сильной.

— Прости, что я такая... — прошептала Настя, глядя собаку по голове, перебирая пальцами мягкую шерсть за ушами, как Снежка любила. — Просто сегодня было тяжело. И я не могу никому толком объяснить почему.

Снежка чуть наклонила голову, будто пыталась заглянуть Насти в глаза, и тихонько тявкнула — один раз, коротко, как будто сказала: «Ничего. Я слушаю». Потом она осторожно положила лапу Насти на бедро — не сильно, просто чтобы напомнить о своём присутствии.

Настя глубоко вздохнула, вытерла слёзы рукавом куртки и попыталась улыбнуться, пусть и криво:

— Знаешь, иногда кажется, что все вокруг всё понимают, а я — нет. Что я что-то упускаю. Или делаю не так. А потом вспоминаю, что ты меня всё равно любишь. Даже если я забыла купить корм и кормлю тебя остатками своей гречки.

Снежка снова тявкнула, будто хотела сказать: «Главное, что ты пришла».

Настя наконец-то сняла куртку, повесила её на крючок, стянула ботинки и прошла в комнату. Снежка шла за ней по пятам, не отставая ни на шаг. Настя села на диван, подтянула колени к груди, а Снежка запрыгнула рядом, улеглась, положив голову Насти на бедро, и уставилась на неё своими разноцветными глазами — спокойно, терпеливо, бесконечно преданно.

В комнате было тихо. Только тикали часы на полке, да за окном изредка проезжали машины, оставляя за собой короткие вспышки фар. Настя смотрела на эти вспышки, на тени, которые они отбрасывали на стену, и чувствовала, как понемногу уходит то напряжение, которое сжимало её весь день.

Она потянулась к пледу, накинула его на плечи, укуталась, как в кокон, и тихо сказала:

— Сегодня я не буду ничего решать. Ни про Бориса, ни про Артёма, ни про чертежи, ни про то, почему мне стало так тяжело. Сегодня я просто посижу тут. С тобой.

Снежка зевнула, потянулась, уткнулась носом в ладонь Насти и закрыла глаза. Её бок мерно поднимался и опускался, и этот ритм был как метроном, который задавал спокойный темп всему дому.

Вдруг тишину разорвал резкий звук — вибрация телефона где-то в глубине сумки, которую Настя бросила у двери. Звук был такой настойчивый, такой чужеродный в этой уютной тишине, что Настя вздрогнула. Снежка тут же подняла голову, насторожилась, прислушалась, будто решала: это враг или просто часть мира, к которой надо привыкнуть. Потом, поняв, что опасности нет, она не ушла, а просто подвинулась чуть ближе к Насти, будто хотела стать дополнительной защитой.

Настя медленно потянулась к сумке, достала телефон. На экране горело: «Кира».

Сердце Насти ёкнуло: она не хотела сейчас ни разговоров, ни расспросов, ни даже самого доброго любопытства. Хотелось просто сидеть и ни о чём не думать. Но отказать Кире она не могла — Кира была из тех людей, кто не звонит просто так.

Настя нажала «Принять».

— Алло... — её голос прозвучал хрипловато, будто она долго молчала и теперь заново училась говорить.

— Насть, ты дома? — голос Киры звучал необычно тихо, без привычной бодрости, и от этого Насте вдруг стало спокойнее: Кира тоже устала, она не будет давить, не будет требовать весёлого тона. — Я просто хотела убедиться. Мы сегодня так быстро разбежались... и я всё думала: вдруг тебе тяжело. Вдруг ты сидишь и молчишь, а мне бы хотелось, чтобы ты не молчала.

У Насти снова защипало в глазах, но теперь это были уже не слёзы отчаяния, а слёзы от того, что кто-то о ней подумал, кто-то не забыл.

— Я дома, — тихо ответила она. — Со мной Снежка. Мы сидим на диване. И... спасибо, что позвонила.

Кира помолчала секунду, будто подбирая слова, чтобы не спугнуть эту хрупкую искренность.

— Не за что. Просто... знаешь, я сегодня весь день ловила себя на мысли, что хочу тебе сказать: ты не обязана быть сильной каждую минуту. Если тебе хочется просто сидеть и молчать — сиди и молчи. А если хочется выговориться — я тут. Даже если ты скажешь что-то вроде «Кира, мне просто очень хочется, чтобы сегодня никто не спрашивал про чертежи» — я скажу: «Поняла. Никаких чертежей».

Настя слабо улыбнулась, прижимая телефон к уху, и почувствовала, как плечи опускаются, как уходит напряжение, сковывавшее её весь день.

— Ты знаешь, это... именно это мне и нужно было услышать. Что можно не объяснять. Что можно просто быть уставшей.

Кира тихо вздохнула в трубку:

— Можно. И знаешь, если хочешь, мы можем вообще ни о чём серьёзном. Можем про что-нибудь глупое. Про то, как Павел опять перепутал ключи и полчаса искал тот, который у него был в руке. Или про то, как Виктор Петрович ворчал, что «в этом цехе даже гвоздь не может лежать спокойно». Или вообще про облака.

Настя рассмеялась — тихо, но искренне, и этот смех был как глоток свежего воздуха.

— Давай про облака... — прошептала она, глядя в окно, где между домами медленно плыли тяжёлые, подсвеченные городскими огнями тучи. — Сегодня они такие... тяжёлые. Как будто несут на себе весь этот день.

— А завтра будут другие, — спокойно сказала Кира. — Лёгкие, пушистые. Или вообще никаких. Главное, что мы завтра снова придём на завод, и Павел опять что-нибудь перепутает, и Виктор Петрович будет ворчать, и мы будем смеяться над этим, потому что это наш цех, наши люди, и они... они как семья. Даже когда бывает тяжело.

Настя кивнула, хотя Кира не могла её видеть.

— Да... — тихо сказала она. — Семья.

Они помолчали немного, и в этой тишине не было неловкости — только ощущение, что кто-то держит тебя за руку, даже если между вами километры.

— Ладно, — сказала Кира чуть бодрее, но не настолько, чтобы разрушить эту хрупкую доверительность. — Не буду тебя долго держать. Отдыхай. Покорми Снежку, завернись в плед и просто посиди. А завтра... завтра будет новый день. И мы с тобой всё потихоньку разберём. Даже если это будут просто чертежи.

— Хорошо, — ответила Настя, и в её голосе впервые за день прозвучала не усталость, а тихая уверенность. — Спасибо, Кирочка.

Когда она положила телефон, Снежка снова положила голову ей на бедро и уставилась своими разноцветными глазами, будто спрашивала: «Всё хорошо?»

— Всё хорошо, — прошептала Настя и погладила Снежку по загривку. — Теперь всё будет хорошо.

Потом она встала, тихо, чтобы не нарушить эту хрупкую тишину, и прошла на кухню. Снежка не отставала ни на шаг: шла следом, мягко ступая по полу, и время от времени тыкалась

носом в Настину ладонь, напоминая, что она рядом. Настя насыпала корм в миску, и Снежка, хоть и была рада еде, не набросилась на неё с жадностью, а сначала посмотрела на Настю, будто спрашивая: «А ты поела?»

Настя улыбнулась, достала из холодильника кусочек сыра, отломил немного и дала Снежке, а остальное съела сама, стоя у окна и глядя, как город зажигает огни.

— Завтра будет новый день, — тихо повторила она, словно пробуя эти слова на вкус.

Снежка доела, подошла, уткнулась лбом в Настино бедро и замерла.

— Спасибо, что ты у меня есть, — снова прошептала Настя.

Глава 4. «Два дня на всё»

Утро в цехе началось не с привычного гула станков, а с тревожного шёпота, который прокатился по пролётам быстрее любого распоряжения. Ещё до общего построения у проходной уже толпились рабочие, переглядывались, поправляли спецовки, будто сами собой старались выглядеть серьезнее. Причина была весомой: сегодня на завод должен был приехать крупный начальник с большим заказом — и не просто с заказом, а с ультиматумом: выполнить нужно быстро, в срок, за два дня.

Когда чёрный внедорожник остановился у ворот, все будто на секунду задержали дыхание. Из машины вышел мужчина в дорогом пальто, с прямой спиной и взглядом, который, казалось, сразу выхватывал из цеха самое слабое место. За ним шли ещё двое — в костюмах, с планшетами, как будто даже воздух вокруг них был на полтона официальнее.

Директор завода встретил их у входа, голос звучал натянуто-вежливо, улыбка — чуть шире обычного. А в цехе тем временем уже кипела своя, нервная жизнь — не работа, а сплошной аврал.

Павел метался между стеллажами, хватал то одну, то другую пачку чертежей, бормотал себе под нос:

— Два дня... Да это же невозможно! У нас даже заготовок столько нет! Где мы их возьмём? На коленке выточим?

Саша замер у линии сборки, сжимал и разжимал кулаки, будто пытался заставить руки слушаться:

— Я... я могу работать без перерыва. Честно. Только скажите, куда бежать и что делать. Я всё сделаю.

Виктор Петрович, не повышая голоса, но так, что его слышали даже в дальнем углу, рявкнул:

— Без паники! Паника — это брак. Брак — это сорванный срок. А срок у нас — два дня. Два! Не неделя, не три смены, а двое суток. Значит, работаем как часы. Каждый на своём месте. Никаких метаний.

Михаил, прихрамывая, подошёл к линии, потёр колено и тихо, но твёрдо сказал:

— Если надо, останусь на ночь. Колено будет злиться, но я справлюсь. Главное — не бросать.

В другом конце цеха Настя пыталась сосредоточиться на чертежах, но строчки перед глазами расплывались. В груди давило, в висках стучало, а в голове крутилось одно и то же: «Два дня. Мы не успеем. Я не успею». Она чувствовала, как паника подступает к горлу, царапает изнутри, и понимала: если сейчас не выдохнет хоть пять минут — просто сломается.

Она выскользнула из цеха, почти бегом добралась до курилки. Там, на продуваемой всеми ветрами скамейке, сидел Борис. Он курил редко, но сегодня, видимо, тоже почувствовал, что без этого никак. Когда Настя вошла, он чуть приподнял голову, кивнул, подвинулся, давая ей место.

Настя села, обхватила себя руками, будто пыталась удержать внутри ту дрожь, которая рвалась наружу.

— Тяжёлый день будет, — проговорила она тихо, глядя куда-то в сторону, на ржавую решётку, за которой виднелся двор.

Борис хмыкнул, затушил сигарету.

— Да. Два дня на такой объём... Это почти невозможно. Но мы попробуем.

Настя закусил губу. В груди поднималось что-то горячее, тяжёлое, то, что она столько дней носила в себе. Слова сами нашли выход.

Она повернулась к Борису, посмотрела ему прямо в глаза и сказала тихо, но твёрдо:

— Борис, я должна тебе кое-что сказать. Это... страшно. И я боюсь, как ты отреагируешь. Но молчать больше не могу.

Он замер. Даже воздух между ними будто стал плотнее, тяжелее. Лицо Бориса, обычно спокойное, чуть побледнело, а в глазах мелькнуло настороженное ожидание.

— Говори, — произнёс он ровно, но Настя почувствовала в этом слове напряжение, готовность услышать что угодно.

И она рассказала. Не долго, не подробно, без лишних деталей — просто выложила то, что столько дней давило на грудь.

Когда последние слова повисли в воздухе, Борис резко выдохнул. Он не пошевелился, не отвёл взгляда, но по его лицу пробежала тень, будто кто-то ударил его в самое уязвимое место. Он был в сильном шоке — не кричал, не спорил, не пытался тут же всё исправить. Просто сидел, смотрел на Настю, и в его глазах читалось: «Я не знал. Я даже не догадывался. Как ты это всё время несла одна?»

— Ты... всё это время держала это в себе? — проговорил он наконец, и голос его звучал непривычно хрипло, будто слова давались с трудом.

Настя опустила глаза, кивнула:

— Боялась. Думала, если скажу — всё станет ещё хуже. Что меня не поймут. Или... что я стану для всех обузой.

Борис резко встал, сделал шаг вперёд, потом остановился, будто сам себе запретил сорваться. Его пальцы сжались в кулаки, но он тут же заставил себя разжать их. В нём сейчас боролись сразу несколько чувств: шок, злость на эту несправедливость, что ей пришлось всё это терпеть, и острая, почти физическая боль от того, что он не заметил раньше.

— Ты не обуза, — произнёс он твёрдо, почти жёстко, как будто эти слова должны были пробить любую её неуверенность. — Никогда. А то, что ты молчала... это неправильно. Не потому что ты виновата. А потому что никто не должен такое тащить в одиночку.

Настя подняла на него глаза, и в них блеснули слёзы, но она не дала им пролиться.

— Прости, что не сказала раньше.

— Не извиняйся за то, что тебе было тяжело, — резко оборвал он, а потом чуть смягчил тон, будто боялся, что напугает её своей резкостью. — Просто... пообещай, что больше не будешь прятать это. Если станет тяжело — скажи. Хоть мне. Я... я хочу знать.

Настя снова кивнула, и на этот раз в её кивке было не просто согласие, а облегчение — как будто с плеч упал камень, который она носила слишком долго.

Они вышли из курилки вместе. И хотя никто не взял друг друга за руку, между ними теперь висело что-то новое — не тайна, а доверие, хрупкое, но настоящее.

А в это время в кабинете директора, за плотно закрытой дверью, шло совсем другое совещание. Начальник в дорогом пальто сидел, постукивая пальцами по столу, и смотрел на директора так, будто каждая секунда молчания стоила заводу денег.

— Два дня, — повторил он жёстко, наклоняясь вперёд. — Мне не нужны отговорки. Мне нужен результат. У вас есть люди, есть станки, есть ресурсы. Сделайте так, чтобы заказ ушёл вовремя.

Директор нервно поправил галстук, сглотнул и заговорил быстро, будто пытался успеть до того, как его перебьют:

— Мы уже перераспределили смены, подключили всех, кто может работать сверхурочно. Сейчас ищем дополнительные заготовки на смежных складах. К обеду должны получить подтверждение.

Один из сопровождающих, не отрываясь от планшета, сухо вставил:

— К обеду — это поздно. Нам нужно понимание уже сейчас. Если не успеваете своими силами, мы можем подключить подрядчиков, но тогда вы теряете маржу.

Начальник поморщился:

— Маржа — это ваша проблема. Моя — сроки. Если не укладываетесь, значит, плохо организовали процесс.

Директор на секунду прикрыл глаза, будто собираясь с силами, и снова заговорил:

— У нас есть сильная бригада. Опытные мастера. Они могут вывезти. Но им нужно дать всё, что требуется: материалы, инструменты, возможность не отвлекаться на второстепенные задачи.

Начальник откинулся на спинку кресла, помолчал, словно взвешивая каждое слово, и наконец процедил:

— Хорошо. Пусть работают. Но каждые четыре часа — отчёт. Лично мне. И если увидите, что не тянете, — сразу говорите. Лучше признать проблему сейчас, чем сорвать контракт завтра.

Сопровождающий записал что-то в планшет и добавил:

— И ещё: никаких простоев. Даже на пять минут. Каждая минута на счету.

Директор кивнул, хотя в груди у него всё сжималось от тяжести этих слов. Он знал: чтобы выполнить такой объём за два дня, людям придётся работать на пределе. А на пределе человек может держаться только до определённого момента.

Тем временем в цехе стоял сплошной рокот: гул станков, крики мастеров, короткие распоряжения, лязг металла, скрежет, звон. Всё смешалось в один сплошной, нервный ритм, в котором не было места паузам.

Марина, сосредоточенно закручивая болты, краем уха услышала резкий голос, донёсшийся из дальнего угла цеха. Она обернулась, но увидела только Артёма — он стоял, сжав кулаки, и говорил с кем-то, кого из-за ящиков не было видно. Голос у него был злой, дрожащий от напряжения:

— Нет заявления — значит, и ничего нет, и дела нет. А если что-то мне сделаешь — заявление будет. Против тебя будет.

Марина хотела подойти, спросить, что случилось, но в этот момент загудел конвейер, и ей пришлось вернуться к работе. Она только успела подумать: «Что-то с Артёмом не так. Слишком резкий стал».

А в цехе уже вовсю кипела работа. Павел, забыв про всё, таскал заготовки, ругался сквозь зубы, когда они выскальзывали из рук, но тут же подхватывал их снова. Саша, стараясь не отставать, сбивал пальцы, но не жаловался. Михаил, морщась от боли в колене, помогал переналаживать линию. Виктор Петрович ходил между станками, как строгий, но справедливый страж, и если видел, что кто-то начинает суетиться и ошибаться, подходил, тихо говорил пару слов — и человек снова собирался.

Кира, появившись в цехе, тут же включилась в этот хаос. Она металась между участками, держала в голове десятки мелочей, пересчитывала, перепроверяла, звонила в смежные отделы, выбивала дополнительные ресурсы.

— Нам нужны ещё двадцать заготовок к обеду, — кричала она в телефон, прикрывая второе ухо ладонью, чтобы не слышать грохот цеха. — Да, я понимаю, что это невозможно. Сделайте так, чтобы стало возможно!

Она повесила трубку, глубоко вздохнула, будто собирала себя по кусочкам, и пошла дальше.

К обеду напряжение в цехе достигло предела. Люди двигались быстро, почти на автомате, но в каждом движении чувствовалась усталость, которая уже начинала подтачивать силы.

— Ещё немного, — тихо повторял себе Саша, стирая с лица пот рукавом. — Ещё немного, и мы успеем.

— Держи темп, — рявкнул Виктор Петрович, когда один из рабочих замешкался у станка. — Медлить сейчас — значит подвести всех.

А Настя, вернувшись к своему месту, вдруг почувствовала, что паника отступает. Не потому, что стало легче, а потому, что теперь она знала: есть человек, который её слышал. И даже если всё пойдёт не так, она не будет одна.

Борис, проходя мимо, на секунду задержался рядом с ней, не сказал ни слова, просто кивнул — так, что в этом кивке читалось: «Ты справишься. Я рядом».

И этого оказалось достаточно.

К вечеру цех уже жил в другом ритме — быстром, жёстком, без лишних слов. Свет ламп казался ярче, тени — длиннее, а каждый удар молотка, каждый визг пилы звучали как часть единого, огромного механизма, который должен был успеть.

Два дня. Всего два дня. Но в эти два дня должно было уместиться столько, сколько обычно растягивали на неделю. И все это понимали.

Глава 5. «Один день»

Смена закончилась, но никто не спешил расходиться. Мужчины выходили из цеха, не снимая спецовок, с лицами, покрытыми металлической пылью и потом, с тяжёлой усталостью в каждом шаге. Воздух снаружи был прохладным, и эта прохлада сначала казалась почти приятной — она смывала липкий жар цеха, но тут же напоминала, как сильно всё тело ноет от напряжения. Каждый шаг отдавался в коленях, в спине, в плечах, будто за восемь часов работы мышцы успели забыть, как быть просто мышцами, а не стальными тросами, натянутыми до предела.

Павел первым бросил, выдыхая облачко пара в стылый вечерний воздух:

— Если сейчас просто разойтись по домам, завтра я уже не соберусь. Ноги не пойдут. Давайте хоть по кружке. Хоть выдохнем. Хоть на пять минут перестанем быть роботами.

Саша, который всё ещё сжимал и разжимал пальцы, будто не мог поверить, что сейчас можно не держать инструмент, кивнул так отчаянно, будто цеплялся за эту идею, как за спасательный круг:

— Да. Хоть пять минут. Просто чтобы перестать слышать этот гул в ушах. Он ведь даже когда станки выключены, всё равно звучит. Прямо внутри. Как будто я теперь навсегда с ним.

Виктор Петрович, обычно самый строгий по части дисциплины, только махнул рукой — и в этом жесте было столько усталости, что он вдруг стал не начальником, а просто таким же измотанным мужиком, как и все остальные:

— Пять минут не спасут заказ. Но если без этих пяти минут вы завтра не сможете держать резец — пусть будут эти пять минут. Пойдёмте.

Они шли к небольшой забегаловке в двух кварталах от завода — не ради уюта, а потому что там знали их в лицо и не задавали лишних вопросов. По дороге никто не шутил, не толкался, не подначивал друг друга, как бывало после обычных смен. Сейчас даже шаг был другим: тяжёлым, собранным, будто они всё ещё несли на себе груз этого невозможного срока.

Внутри пахло жареным луком, старым деревом и хмелем; в углу тихо бормотал телевизор, но его никто не слушал. Здесь всё было привычным: облупившаяся краска на стенах, липковатые столешницы, стулья, у которых скрипели одни и те же ножки. И именно эта привычность сейчас была нужна — как якорь, который не давал унести в панике.

Официантка, увидев их, сразу поняла: не до меню.

— Как обычно? — спросила она тихо, без суеты, будто тоже чувствовала, что сегодня не до лишних слов.

— Как обычно, — кивнул Павел и тяжело опустился на стул, будто из него разом вынули все кости. Он даже не пытался скрыть, как ему тяжело: просто сел, уронил руки на стол и выдохнул так, что, казалось, вместе с воздухом из него выходила вся дневная тяжесть.

Когда перед ними поставили кружки, первые глотки были не про вкус — они были про то, чтобы смыть из горла цехную пыль, про то, чтобы на секунду перестать быть шестерёнками огромного механизма.

Михаил, потирая колено, которое сегодня ныло особенно злобно, посмотрел на остальных и усмехнулся без веселья, криво, одними уголками губ:

— Один день. Всего один день. А сделать надо столько, что и за неделю не разгрести. Это не работа, это какой-то фокус с исчезновением времени.

Саша нервно крутил в пальцах подставку под кружку, и пальцы у него дрожали — не от холода, а от того самого внутреннего напряжения, которое копилось весь день, капля за каплей, и теперь никак не могло найти выхода:

— Мы же не успеем. Правда? Ну вот честно. Даже если будем работать без сна. Даже если все выйдут... Это же физически невозможно.

Виктор Петрович резко, но не зло оборвал, глядя Саше прямо в глаза, не давая ему спрятаться в своих страхах:

— Не гадай на кофейной гуще. Успеем или нет — решим завтра. Сегодня мы просто сидим. Но если уж сидеть, то без паники. Паника — это брак. Брак — это сорванный срок. А срок у нас один: завтра. Так что давай без этого. Без «невозможно». Сегодня у нас есть право просто выдохнуть.

Павел хмыкнул, провёл ладонью по лицу, стирая усталость, и вдруг улыбнулся — не широко, не весело, а так, будто сам удивлялся, что ещё может улыбаться:

— А я вот думаю, что успеем. Не потому что это реально, а потому что другого варианта у нас нет. Если не сделаем — Завод потеряет контракт. А это значит, что кто-то останется без работы. И я не хочу, чтобы этим кем-то был кто-то из нас.

Михаил кивнул, и в этом кивке было столько серьёзности, что казалось, он даёт какое-то важное обещание:

— Вот это правильно. Не про «невозможно», а про «надо».

Саша всё ещё выглядел так, будто вот-вот сорвётся, но слова старших немного его успокоили, как будто он наконец-то почувствовал, что не один на один с этой горой работы.

— Я могу завтра прийти раньше. На час. Или на два. Хотя что-то... Хотя заготовки разложить, чтобы время не терять.

— Придешь, — спокойно сказал Виктор Петрович. — И я приду. И все придём. Потому что это не просто заказ. Это про то, что мы команда. А команда не бросает.

Тут Борис, до этого молча сидевший чуть в стороне, будто прислушивавшийся не к словам, а к тому, что за ними прячется, наконец подал голос. Он говорил негромко, но так, что все невольно повернулись к нему. Только в его голосе сейчас было не столько спокойствие, сколько натянутая, тонкая струна — будто он изо всех сил старался не выдать, как внутри всё дрожит. Пальцы его то сжимались в кулаки, то разжимались, будто сами по себе искали, за что ухватиться, чтобы не сорваться.

— Саша, ты не подведёшь. Ты стараешься, а это уже половина дела. Главное завтра не пытайся всё тащить на себе. Если чувствуешь, что голова кругом идёт, — скажи. Хотя мне, хоть Виктору Петровичу. Лучше пять минут передохнуть, чем деталь запороть.

Саша поднял на него глаза, в них ещё дрожала тревога, но уже пробивалось что-то похожее на облегчение, как будто ему наконец-то разрешили признать, что ему тяжело:

— Спасибо, Борис. Просто... страшно. Первый такой большой заказ для меня. Боюсь, что не потяну. Что сделаю ошибку, и из-за меня всё сорвётся.

Борис чуть наклонился вперёд, оперся локтями о стол, и пальцы его невольно сжались в кулаки — он тут же заставил себя разжать их, будто стыдясь этой вспышки напряжения. То, что рассказала ему Настя в курилке, всё ещё стояло перед глазами, тянуло изнутри, заставляло острее чувствовать чужую слабость, чужую панику. Ему хотелось сейчас не просто поддержать Сашу, а буквально заслонить его от всего этого давления.

— Страх — это нормально, — сказал он чуть резче, чем хотел, и тут же сбавил тон, стараясь говорить ровно, чтобы не напугать парня ещё больше. — Я в первый раз, когда нам срочный заказ дали, руки тряслись так, что ключ уронил прямо на деталь. Думал, всё — меня выгонят. А Виктор Петрович тогда подошёл, спокойно так сказал: «Руки трясутся — значит, понимаешь, что важно. Главное, не давай им дрожать над деталью. Сначала выдохни». И знаешь, помогло.

Виктор Петрович хмыкнул, но в глазах у него мелькнуло что-то вроде гордости, смешанной с лёгкой грустью от того, сколько раз ему приходилось вот так, по крохам, учить молодых не бояться собственной неуверенности:

— Было дело. Парень тогда не растерялся. Исправил, да ещё и лучше, чем было. Потому что не спрятался. Не сделал вид, что ничего не случилось. Признал ошибку — и сразу её убрал. Вот это и есть работа.

— Вот и ты исправишь, если что, — добавил Борис, глядя прямо на Сашу. — А если не придётся — тем лучше. Но мы рядом. Никто не будет стоять и смотреть, как ты падаешь от усталости. Мы тебя подхватим.

Саша слабо улыбнулся, будто сам удивился, что может улыбаться в такой день:

— Ладно. Постараюсь просто дышать. И не торопиться. И если станет совсем тяжело... я скажу. Честно.

— Вот и хорошо, — кивнул Борис, и в этот момент ему стало чуть легче, будто, помогая Саше, он немного помогал и себе справиться с тем, что крутилось в голове после разговора с Настей.

Разговор постепенно стал тише, спокойнее. Они больше не говорили про сроки и заказ. Вместо этого вспоминали старые смены, смешные и нелепые случаи, когда что-то шло не так, но они всё равно справлялись. Павел рассказал, как однажды перепутал чертежи и почти запустил в работу не ту деталь, но Михаил вовремя заметил и молча ткнул пальцем в ошибку — и они переделали всё за час, пока никто не заметил. Михаил в ответ хмыкнул и вспомнил, как на другом заводе у них сломался главный компрессор прямо перед сдачей, и они трое суток не уходили с цеха, спали по очереди прямо на ящиках, а ели только то, что приносили из дома в пакетах, и всё равно успели.

Даже смеялись — не громко, не весело, а так, будто смех помогал им сбросить ещё немного напряжения, как сбрасывают с плеч тяжёлую куртку, когда наконец-то заходят в тёплое помещение.

Но Борис почти не участвовал в этих воспоминаниях. Он кивал, когда нужно, коротко улыбался, но мысли его снова и снова возвращались к Насте, к её словам, к тому, как она сидела, обхватив себя руками, будто пыталась удержать внутри эту тяжесть. Он всё ещё был в шоке — не от того, что она рассказала, а от того, сколько дней она носила это в себе, сколько раз проходила мимо него, улыбалась через силу, а он ничего не замечал. И теперь, среди всей этой суеты, ему хотелось сделать хоть что-то, чтобы никто другой не чувствовал себя таким же одиноким в своей беде.

Когда кружки опустели, никто не стал заказывать ещё. Не потому, что нельзя, а потому, что теперь они знали: впереди самый тяжёлый день, и к нему нужно подойти трезвыми и собранными.

Расходились тихо, без лишних слов. У дверей Виктор Петрович остановился, оглядел всех, будто пересчитывал, убеждаясь, что никто не потерялся в этой суете:

— Завтра приходим как обычно. Только чуть раньше. И работаем как всегда. Только чуть внимательнее. Один день. Мы его вытянем.

И все кивнули. Не потому что верили безоговорочно, а потому что в эту ночь им нужно было во что-то верить.

Борис задержался на крыльце, подождал, пока остальные разойдутся чуть вперёд, и догнал Сашу, который шёл, ссутулившись, будто пытался спрятать свою усталость от прохожих.

— Эй, — негромко окликнул он. — Не гони себя завтра. Если станет совсем тяжело — сразу ко мне. Не геройствуй. Договорились?

Саша кивнул, не поднимая глаз, но в этом кивке было столько благодарности, что Борису даже неловко стало.

— Договорились, — тихо сказал Саша. — Спасибо.

Борис хлопнул его по плечу — легко, по-свойски, стараясь вложить в этот жест всю ту поддержку, которую не умел выразить словами:

— Пустое. Завтра будет день — будет и работа. А пока просто выпишсь.

И они разошлись в разные стороны, растворяясь в вечернем городе, где фонари уже горели жёлтыми пятнами, а тени становились длиннее и мягче, будто сама ночь хотела дать им хоть немного отдыха перед завтрашним штурмом.

А Борис шёл медленнее, чем обычно. В голове всё ещё крутились слова Насти, и он повторял про себя одно: «Завтра я буду внимательнее. К каждому. Никого не пропущу. Если кто-то начнёт тонуть — я замечу. Сразу». Ветер трогал волосы, забирался под спецовку, напоминал, что ночь не будет длиться вечно, что скоро снова рассвет, снова цех, снова этот бесконечный гул станков. Но сегодня была ночь. И сегодня можно было просто идти и дышать.

Глава 6. «Последний рубеж»

Рассвет подкрался к заводу не торжественно, а как-то исподволь — сероватой полосой над крышами, без всякого пафоса. Будто и не понимал, что сегодня решается судьба всего цеха. Над асфальтом ещё висел лёгкий туман, цеплялся за углы зданий, а воздух был таким холодным, что дыхание сразу превращалось в пар.

Рабочие подтягивались к проходной поодиночке и парами, будто боялись спугнуть хрупкое равновесие этого утра. Никто не шутил, не толкался, не подначивал друг друга. В каждом движении чувствовалась тяжесть последнего дня: не просто усталость, а осознание, что отступать некуда.

Павел пришёл одним из первых. Он остановился у ворот, глубоко вдохнул стылый воздух, будто хотел набраться сил наперёд, и только потом шагнул внутрь. На лице у него читалось упрямое спокойствие человека, который уже принял: будет тяжело, но он это пройдёт.

Саша появился чуть позже, с сумкой, в которой, как все знали, лежал термос с крепким чаем и бутерброд, который он, скорее всего, так и не съест. Он шёл, опустив голову, и в каждом его шаге чувствовалась готовность работать до изнеможения, лишь бы не подвести бригаду.

Михаил пришёл, прихрамывая чуть сильнее обычного, будто ночь не столько дала отдых, сколько напомнила о старых травмах. Но в глазах у него была та самая твёрдость, которая появляется, когда человек знает: сегодня нельзя сдаваться.

Виктор Петрович появился ровно в семь, как всегда. Строгий, собранный, с папкой под мышкой и взглядом, который сразу выхватывал из общей картины самое слабое место. Он не говорил лишних слов, только коротко кивал каждому, будто отмечая: «Ты здесь. Значит, мы справимся».

А Борис пришёл раньше всех. Он стоял у линии, молча осматривал станки, проверял крепления, прислушивался к звуку моторов — словно пытался услышать в этом привычном гуле подсказку, как им всем сегодня выжить. В его движениях не было суеты, но и прежней уверенности тоже не было. Вместо неё появилась какая-то напряжённая сосредоточенность, будто он пытался заранее исправить то, что ещё даже не случилось.

Настя пришла почти одновременно с Виктором Петровичем. Она старалась держаться ровно, не показывать, как сильно внутри всё сжимается от тревоги за Бориса, за весь цех, за этот проклятый срок. В её сумке лежал контейнер с едой, которую она, скорее всего, опять не съест, и термос с горячим чаем — на всякий случай. Она ловила на себе короткие взгляды, кивала в ответ, но не задерживалась ни с кем надолго: её взгляд снова и снова возвращался к Борису.

Рядом с ней, немного растерянный, но старающийся не подавать виду, держался новенький Артём. Он пришёл в бригаду всего пару недель назад, и для него сегодняшний день был первым по-настоящему серьёзным испытанием. В глазах у него читалась смесь страха и желания доказать, что он достоин быть здесь. Он то и дело поправлял спецовку, будто она ему ещё не успела стать родной, и старался держаться поближе к опытным ребятам, чтобы не ошибиться в самый неподходящий момент.

Когда все собрались, Виктор Петрович собрал бригаду у первого станка. Голос его звучал не громко, но так, что слышали все:

— Сегодня не про скорость. Сегодня про точность. Один брак — и мы теряем всё. Работаем как часы. Каждый на своём месте. Павел, ты на сборке. Михаил, ты с подачей. Саша, ты рядом с Павлом, подстрахуешь. Я буду ходить между участками, следить за ритмом.

Он на секунду запнулся, посмотрел на Бориса, и в этом взгляде было что-то большее, чем просто распределение задач:

— Борис, ты сегодня на финальной обработке. Там нужна твёрдая рука и холодный ум. Справишься?

Борис кивнул, не поднимая глаз. Только сжал и разжал пальцы, будто проверяя, послушается ли его сегодня собственное тело:

— Справлюсь.

— Артём, — добавил Виктор Петрович, переводя взгляд на новенького, и голос его звучал чуть мягче, чем обычно, — ты на участке предварительной обработки. Работа несложная, но важная: если там будет ошибка, дальше уже ничего не исправить. Настя, ты будешь его контролировать, смотреть, чтобы всё шло ровно.

При этих словах Настя вздрогнула — так резко, что сама испугалась собственной реакции. Мысль о том, что ей придётся стоять рядом с Артёмом, проверять каждую его деталь, а не быть там, где сейчас тяжелее всего, где каждый шаг даётся Борису с трудом, вдруг ударила по нервам, как ледяной водой. Ей хотелось быть рядом с ним, видеть, как он справляется, быть хоть какой-то опорой. Но приказ есть приказ.

Она уже открыла рот, чтобы сказать «да», но вдруг остановилась. И вместо этого тихо, но твёрдо произнесла, будто сама удивляясь, как быстро нашлись нужные слова:

— Простите, Виктор Петрович. Я... я сейчас не смогу. У меня есть другое дело, которое нужно закончить до обеда. Оно уже висит, и если я его не закрою, потом будет только хуже.

В цехе на секунду стало тише, будто даже станки на миг перестали гудеть. Все посмотрели на неё, кто с удивлением, кто с лёгким недоумением. Даже Артём замер, не зная, куда деть руки.

Виктор Петрович нахмурился, но не резко, а скорее озадаченно:

— Дело? Какое дело? У нас сегодня каждый человек на счету.

Настя чуть крепче сжала лямку сумки, будто эта маленькая деталь помогала ей держаться ровно. Она не хотела врать, но и правду — про то, что ей невыносимо будет стоять в стороне, пока Борис тянет самую тяжёлую ношу, — сказать не могла.

— Это по линии техконтроля. Там накопилось несколько спорных позиций, которые я обещала разобрать ещё вчера. Если я их не закрою сегодня, они могут сорвать следующую партию. Я уже договорилась с отделом, что сделаю это до обеда.

Виктор Петрович помолчал, быстро просчитывая варианты. Потом коротко кивнул:

— Ладно. Раз обещала — делай. Но нам всё равно нужен кто-то на контроль за Артёмом.

Тут из-за спины тихо выступила Кира — спокойная, собранная, с тем самым взглядом, который ничего не пропускает. Она работала в соседнем цехе, но сегодня её временно перекинули к ним на усиление.

— Я могу, — сказала она просто, без пафоса, будто это самое обычное дело — взять на себя чужую задачу. — С Артёмом побуду. Покажу, где что лежит, подскажу по допускам. Он парень старательный, просто волнуется.

Виктор Петрович снова кивнул, на этот раз с явным облегчением:

— Спасибо, Кира. Так и сделаем.

Артём наконец выдохнул, будто до этого момента вообще не дышал, и посмотрел на Киру с такой благодарностью, что даже стало немного неловко:

— Спасибо... Я постараюсь не подвести. Честно.

Кира чуть улыбнулась — не широко, а так, чтобы просто снять напряжение:

— Не надо обещать, что не подведёшь. Просто делай ровно то, что я скажу, и смотри на размеры. Остальное приложится.

И день пошёл.

С самого начала он был не таким, как все предыдущие. В нём не было места ни для пауз, ни для передышек. Станки работали на пределе, металл визжал под резцами, воздух наполнился запахом раскалённого железа и машинного масла. Каждый старался не просто делать свою работу, а делать её так, чтобы она стала частью чего-то большего — частью общего усилия, которое должно было вытянуть этот невозможный заказ.

Павел работал с какой-то тихой яростью: быстро, точно, без лишних движений. Казалось, он не замечал ни усталости, ни боли в спине, ни того, как пальцы начинали неметь от напряжения. Для него сейчас существовало только одно: деталь, станок и следующий шаг.

Саша старался держаться рядом, подносить заготовки, убирать стружку, следить, чтобы ничего не мешало. Он всё ещё нервничал, но теперь эта нервозность не мешала ему, а, наоборот, заставляла быть внимательнее. Он ловил каждый взгляд Павла, каждое короткое указание и тут же бросался выполнять.

Михаил, несмотря на боль в колене, снова и снова возвращался к конвейеру, проверял подачу, следил, чтобы лента не сбивалась, чтобы заготовки шли ровно. Он делал это молча,

стиснув зубы, и только иногда, когда боль становилась совсем невыносимой, на секунду останавливался, упирался ладонью в бок и снова шёл вперёд.

Кира спокойно и уверенно вела Артёма через этот напряжённый день. Она не торопила его, не давила, но каждое её слово было точным, как удар молотка по наковальне:

— Смотри сюда. Вот этот допуск. Если выйдет за него хоть на сотую — всё, деталь в брак. Держи инструмент ровно. Не спеши. Спешка — это когда ты делаешь два раза вместо одного.

Артём кивал, стискивал зубы и старался делать всё так, как она говорила. В его глазах ещё плескался страх, но к нему уже примешивалось что-то новое — уважение к этой спокойной уверенности, которая, казалось, могла удержать на месте даже этот взбесившийся от напряжения цех.

Настя ушла на свой участок, и хотя она старалась сосредоточиться на техконтрольных позициях, её мысли то и дело уносились к Борису, к тому, как он там справляется, не становится ли ему тяжелее с каждой минутой. Она заставляла себя смотреть на цифры, на допуски, на отчёты, но краем глаза всё равно ловила движение у его станка, короткий поворот головы, усталый, но упрямый наклон плеч.

К обеду напряжение в цехе достигло предела. Люди двигались быстро, почти на автомате, но в каждом движении чувствовалась усталость, которая уже начинала подтачивать силы.

— Держи темп! — коротко бросил Виктор Петрович, когда один из рабочих замешкался у станка. — Медлить сейчас — значит подвести всех.

Но когда ближе к концу смены Виктор Петрович подошёл к участку Бориса, чтобы проверить, сколько деталей готово, лицо его стало жёстким. Он молча пересчитал заготовки, посмотрел на план, потом снова на детали, и в его взгляде появилось то самое холодное разочарование, которое страшнее любого крика.

— Это всё? — тихо спросил он, и от этой тишины стало ещё тяжелее. — У нас по плану должно быть в два раза больше.

Борис поднял на него глаза. В них не было ни оправданий, ни попыток спрятаться за обстоятельствами. Только горькое, тяжёлое понимание своей ошибки:

— Прости. Я... я не вытянул. Обычно я делаю больше, но сегодня... сегодня что-то не шло. Мысли путались. Я старался, правда. Но... мало.

Виктор Петрович на секунду прикрыл глаза, будто собирал себя по кусочкам, чтобы не сорваться. Потом снова посмотрел на Бориса:

— Ты всегда был самым надёжным. Самым ответственным. И сегодня именно от тебя зависело больше всего.

Борис сжал кулаки, потом заставил себя разжать их. Ему хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, стать кем-то другим — кем-то, кто не подвёл бригаду в самый важный день.

— Я знаю, — глухо сказал он. — И мне за это стыдно. Но я могу всё исправить. Останусь на ночь. Буду работать, пока не сделаю норму. А если нужно, останусь и на завтра, чтобы загладить вину. Хоть всю смену, хоть две.

Виктор Петрович долго молчал, будто взвешивал каждое слово, прежде чем его произнести. Потом медленно кивнул:

— Хорошо. Оставайся. Но не потому, что ты должен загладить вину, а потому, что заказ нужно сдать. Утром мы все вернёмся. Но сегодня ночью ты будешь здесь.

Борис снова кивнул, уже не пытаясь ничего объяснять. Он знал: слова сейчас ничего не стоят. Важны только действия.

Остальные рабочие, услышав разговор, на секунду замерли, будто не знали, как реагировать. Потом Павел подошёл к Борису, положил ему руку на плечо — не сильно, но твёрдо:

— Не казни себя. Ошибся — исправляй. Мы все тут не святые. Главное, что ты не спрятался. Не сделал вид, что ничего не случилось.

Саша тоже подошёл, неловко, будто стесняясь своей поддержки, но всё равно сказал:

— Если хочешь, я могу остаться с тобой. Помочь. Хоть чем-то.

Борис слабо улыбнулся, впервые за день:

— Спасибо. Но нет. Тебе завтра тоже работать. Иди домой. Отдохни. А я тут... я тут всё сделаю.

Тут к ним подошла Настя. Она остановилась чуть в стороне, будто боялась нарушить этот короткий момент мужской солидарности, но голос её прозвучал твёрдо:

— Я останусь. Я могу подавать заготовки, следить за параметрами, хоть просто рядом постоять, чтобы ты не терял концентрацию. Ты не должен делать это один.

Борис резко поднял на неё глаза. В них мелькнуло что-то похожее на испуг — не перед работой, а перед тем, что она хочет разделить с ним эту тяжесть, которую он считал своей личной виной.

— Нет, — сказал он твёрже, чем собирался, и тут же смягчил тон, чтобы не обидеть. — Не надо. Ты и так сегодня работала на износ. Тебе тоже завтра выходить. Если ты сейчас не отдохнёшь, завтра будет только хуже. Для всех.

Настя нахмурилась, будто хотела спорить, привести доводы, доказать, что она выдержит. Но в его взгляде было столько упрямой решимости, что спорить стало бессмысленно.

— Но ты же не выспишься, — тихо сказала она. — Ты и так на пределе.

Борис чуть наклонился вперёд, словно хотел сказать что-то очень личное, только для неё:

— Именно поэтому я должен это сделать сам. Чтобы никто другой не платил за мою ошибку. Ты и так уже дала мне самое главное — ты сказала правду. Теперь моя очередь не подвести. Пожалуйста, иди домой. Поешь. Прими душ. Просто... будь в порядке.

В её глазах на секунду мелькнула обида, но тут же растворилась в понимании. Она кивнула, не потому что была согласна, а потому что видела: сейчас он не примет никакой помощи.

— Ладно, — прошептала она. — Но если станет совсем тяжело... хотя бы позвони. Или просто выйди на пять минут подышать. Хорошо?

— Хорошо, — кивнул Борис, и это «хорошо» прозвучало как обещание, которое он собирался сдержать любой ценой.

Когда смена закончилась и остальные стали расходиться, в цехе стало непривычно тихо. Гул станков стих, оставив после себя звенящую пустоту, которую заполняли только редкие звуки: скрип металла, тихий треск остывающего железа, шаги Виктора Петровича, который напоследок ещё раз обошёл линию, проверяя, всё ли готово для ночной работы.

— Завтра мы вернёмся, — сказал он Борису уже у дверей. — Но сегодня ты тут главный. Работай спокойно. Без спешки. Главное — качество.

Настя задержалась у выхода, обернулась, посмотрела на Бориса, который уже снова склонился над станком, проверяя настройки, будто хотел убедиться, что каждая мелочь будет идеальной. Она хотела ещё что-то сказать, но только крепче сжала лямку сумки, коротко кивнула ему — так, что в этом кивке было и прощание, и поддержка, и молчаливое: «Я верю, что ты справишься» — и вышла.

Кира, перед тем как уйти, остановилась рядом с Борисом на секунду:

— Ты справишься. Просто не гони себя до обрыва. Если почувствуешь, что теряешь фокус — остановись на минуту. Это не слабость. Это часть работы.

Борис коротко кивнул, не доверяя себе говорить.

И когда цех опустел, остался только тусклый свет над станком Бориса и его собственные шаги, мерные и упрямые, как удары сердца.

«Я всё исправлю, — подумал он, глядя на стопку заготовок, которые нужно было обработать. — Всё. До последней детали. Никто не должен из-за меня потерять работу».

И он начал работать. Медленно, сосредоточенно, вкладывая в каждое движение не только умение, но и ту самую тяжесть вины, которая теперь стала его топливом.

Ночь опускалась на город, фонари зажигались один за другим, а в цехе горел только тусклый свет над рабочим местом Бориса. И пока город засыпал, здесь, среди станков и металла, продолжалась битва — тихая, упрямая, без лишних слов. Битва за один-единственный заказ, который вдруг стал чем-то гораздо большим.

Глава 7. «Холодный воздух и тёплые мысли»

Настя толкнула дверь квартиры — и тут же в неё врезалось пушистое, нетерпеливо виляющее хвостом существо. Снежка будто только и ждала этого момента: крутилась вокруг, тыкалась мокрым носом в ладонь, подпрыгивала и снова кружилась, словно пыталась разом выплеснуть всю накопившуюся за день энергию. В её движениях была такая чистая, бесхитростная радость, что даже тяжёлый день будто чуть-чуть терял свою остроту.

— Тише, тише, моя хорошая, — улыбнулась Настя, но улыбка вышла вымученной, едва заметной, как тень улыбки, не сумевшая пробиться сквозь усталость. Она присела на корточки, зарылась пальцами в густую шерсть на загривке, чувствуя, как под пальцами перекачиваются сильные мышцы, а сама шерсть, мягкая и плотная, будто впитывает в себя часть её напряжения. На секунду мир будто стал чуть менее тяжёлым. — Прости, что задержалась. Знаю, ты уже сто раз готова была сама сбежать на улицу.

Снежка не слушала слов — ей хватало того, что хозяйка вернулась. Она радостно твякнула, подтолкнула носом поводок, лежавший у двери, и снова закружилась, будто подсказывая: «Ну же, скорее! Там столько запахов, столько историй!» Её глаза светились нетерпеливым ожиданием, уши то и дело вздрагивали, улавливая каждый звук, а хвост работал как пропеллер, готовый унести её в мир приключений, едва только щёлкнет замок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.